

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

1. Культ науки, научности, идея о том, что именно развитие научного знания позволяет поставить под контроль внешние, подавляющие человека стихийные силы природы и общества и что в этой связи прогресс науки является одним из главных факторов возрастания человеческой свободы - все эти установки входили как необходимые составные части в "Проект просвещения". В соответствии с этими установками все то, что мешает прогрессу свободы, подлежит радикальной критике. Это относится, в частности, и к разным формам вне-научного постижения мира: начиная от мифологии и религии и кончая отжившими метафизическим системами, предрассудками здравого смысла и быденными представлениями.

Нужно, правда, заметить, что такое понимание науки, которое принципиально противопоставляет научное мышление философскому, сложилось далеко не сразу в рамках данного проекта. Первоначально философия выступала как некоторый необходимый компонент общей научно-рациональной установки (и в этом контексте метафизика рассматривалась как некая "общая наука"), и только лишь в XIX веке начинает становиться все более и более популярным мнение о том, что подлинная наука и философия не имеют между собою ничего общего. В XX веке этот способ понимания научности привел к формулированию тезиса о том, что в сущности все проблемы традиционной философии являются псевдо-проблемами и что поэтому одна из задач современных просветителей состоит в разоблачении и искоренении всякого рода философских пережитков из системы знания, ибо никакое подлинное знание вне науки и помимо науки невозможно.

Я хотел бы сделать некоторые уточнения для того, чтобы сциентистская установка, которая имеется в виду, была правильно понята. Согласно этой установке речь не идет об отрицании самого факта существования разного рода вне-научных мыслительно-духовных форм, претендующих на знание различных аспектов реальности: быденный здравый смысл, практические и технические знания, мифологические, религиозные, философские системы и т.д. Дело в другом: в соответствии с идеологией сциентизма все эти мыслительные образования не являются знанием в подлинном и точном смысле слова, так как не отвечают тем критериям обоснованности, которые в полной мере выполняются только в науке. Т.н. вне-научные формы "знания" имеют другие функции в обществе: способствуют ориентации в простейших жизненных ситуациях (там, где участие науки не необходимо, хотя в принципе и возможно), служат средствами выражения эмоций, способствуют сплоченности социальных групп и т.д. Сциентизм отнюдь не отрицает и факт глубокого взаимодействия науки, философской метафизики и религии в процессе становления современного научного знания (да и как можно отрицать влияние религиозно-мистических изысканий Кеплера на его научные открытия, метафизических размышлений Декарта на картезианскую программу в физике или алхимических исследований Ньютона на понимание им механики?). В соответствии с позицией сциентизма имевшие место в истории науки факты такого рода свидетельствуют лишь об исторически случайных обстоятельствах генезиса современного научного знания в конкретной культурно-исторической ситуации и вовсе не означают, что из существа научного отношения к миру вытекает необходимость взаимодействия науки с иными, вне-научными способами истолкования действительности. Да, говорят представители данной точки зрения, исторически наука была связана и с религией, и с философской метафизикой. Но все это послужило лишь своеобразными строительными лесами при возведении здания современной науки. Когда здание построено, леса больше не нужны. Сама по себе наука самодостаточна, и лишь на нее можно рассчитывать, если мы хотим обладать подлинным знанием.

Но так как именно с помощью научного знания могут быть решены основные проблемы, с которыми сталкивается современное человечество, очень важной становится проблема отделения научного

НАУЧНОЕ И ВНЕНАУЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ: СКОЛЬЗЯЩАЯ ГРАНИЦА

В.А. Лекторский

НАУЧНЫЕ И
ВНЕНАУЧНЫЕ
ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ.
СИМПОЗИУМ.

(Москва, 4-9 апреля
1995 г.) Москва-Киль,
1996

1. Культ науки, научности, идея о том, что именно развитие научного

знания позволяет поставить под контроль внешние, подавляющие человека стихийные силы природы и общества и что в этой связи прогресс науки является одним из главных факторов возрастания человеческой свободы - все эти установки входили как необходимые составные части в “Проект просвещения”. В соответствии с этими установками все то, что мешает прогрессу свободы, подлежит радикальной критике. Это относится, в частности, и к разным формам вне-научного постижения мира: начиная от мифологии и религии и кончая отжившими метафизическим

системами, предрассудками здравого смысла и обыденными представлениями.

Нужно, правда, заметить, что такое понимание науки, которое принципиально противопоставляет научное мышление философскому, сложилось далеко не сразу в рамках данного проекта. Первоначально философия выступала как некоторый необходимый компонент общей научно-рациональной установки (и в этом контексте метафизика рассматривалась как некая “общая наука”), и только лишь в XIX веке начинает становиться все более и

более популярным мнение о том, что подлинная наука и философия не имеют между собою ничего общего. В XX веке этот способ понимания научности привел к формулированию тезиса о том, что в сущности все проблемы традиционной философии являются псевдо-проблемами и что поэтому одна из задач современных просветителей состоит в разоблачении и искоренении всякого рода философских пережитков из системы знания, ибо никакое подлинное знание вне науки и помимо науки невозможно.

Я хотел бы сделать некоторые уточнения для того, чтобы сциентистская установка, которая имеется в виду, была правильно понята. Согласно этой установке речь не идет об отрицании самого факта существования разного рода вне-научных мыслительно-духовных форм, претендующих на знание различных аспектов реальности: обыденный здравый смысл, практические и технические знания, мифологические, религиозные, философские системы и т.д. Дело в другом: в соответствии с идеологией сциентизма все эти мыслительные образования не являются знанием в

подлинном и точном смысле слова, так как не отвечают тем критериям обоснованности, которые в полной мере выполняются только в науке. Т.н. вне-научные формы “знания” имеют другие функции в обществе: способствуют ориентации в простейших жизненных ситуациях (там, где участие науки не необходимо, хотя в принципе и возможно), служат средствами выражения эмоций, способствуют сплоченности социальных групп и т.д. Сциентизм отнюдь не отрицает и факт глубокого взаимодействия науки, философской метафизики и религии в процессе становления

современного научного знания (да и как можно отрицать влияние религиозно-мистических изысканий Кеплера на его научные открытия, метафизических размышлений Декарта на картезианскую программу в физике или алхимических исследований Ньютона на понимание им механики?). В соответствии с позицией сциентизма имевшие место в истории науки факты такого рода свидетельствуют лишь об исторически случайных обстоятельствах генезиса современного научного знания в конкретной культурно-исторической

ситуации и вовсе не означают, что из
существа научного отношения к миру
вытекает необходимость
взаимодействия науки с иными, вне-
научными способами истолкования
действительности. Да, говорят
представители данной точки зрения,
исторически наука была связана и с
религией, и с философской
метафизикой. Но все это послужило
лишь своеобразными строительными
лесами при возведении здания
современной науки. Когда здание
построено, леса больше не нужны.
Сама по себе наука самодостаточна,
и лишь на нее можно рассчитывать,
если мы хотим обладать подлинным

знанием.

Но так как именно с помощью научного знания могут быть решены основные проблемы, с которыми сталкивается современное человечество, очень важной становится проблема отделения научного знания от знания вне- и псевдонаучного. Как известно, в ходе развития логического позитивизма и разного рода пост-позитивистских школ выдвигались различные критерии, с помощью которых можно было бы произвести подобное отделение: верификация Карнапа, фальсификация Поппера,

“позитивный сдвиг проблем”

Лакатоса и др. Проблема эта так и не была решена, так как граница между научным и вне-научным знанием оказалась достаточно размытой. Проще указать на примеры того, что в данное время в нашей культуре признается в качестве бесспорно научного знания и что к таковому явно не относится.

Если пойти по этому пути, то легко обнаружить, что в качестве эталона научного знания в европейской культуре последних двухсот лет неизменно фигурировала опирающаяся на эксперимент

математизированная физика , а в качестве примера изысканий, не имеющих ничего общего с наукой в таком ее понимании - философия, занятая глубинным исследованием сознания, т.е. изучением сознания не в его эмпирической данности и фактуальности (это дело эмпирической психологии), а в его трансцендентальных измерениях. Предпосылки, из которых исходят эти два типа исследований, а также результаты к которым они приходят, представляются не только разными, но несовместимыми друг с другом, взаимно друг друга отрицающими. Можно показать, что эксперимент,

лежащий в основе того типа науки, которая возникла в Европе в Новое время, в качестве необходимого условия своей возможности (используя кантовский способ выражения) предполагает принятие установки на реальность изучаемой действительности. В этом смысле реалистическая установка в ее разных модификациях органически присуща научному мышлению. Ученый при таком понимании науки получает воспроизводимые факты, используя соответствующие приборы и объективные способы измерения величин, строит математизированные теории для

объяснения эмпирических данных и излагает результаты своего исследования в общезначимой форме. С другой стороны, то направление в европейской философии, которое во многих отношениях задавало тон всему ее развитию в последние триста лет и которое можно назвать “философией сознания”, или “философией субъективности”, исходит из самоочевидной данности мира сознания, субъективных феноменов, и не очевидности внешнего сознанию мира. Способы анализа феноменов сознания весьма специфичны, не похожи на приемы

математизированного естествознания, и, как показал опыт развития западной философии, получить общезначимые результаты в этой области весьма затруднительно.

В последующей части доклада я попытаюсь показать, что тот способ понимания науки и научного мышления, который сложился в европейской культуре в Новое Время и который как будто бы является прямым отрицанием “философии субъективности”, в действительности разделяет с последней некоторые исходные позиции, которые вполне вне-научны

и научными быть не могут, ибо определяют сам характер научной практики. Европейская наука последних столетий и философская мысль, которой отказывают в статусе научности, в действительности оказываются двумя сторонами некоего единого целого, разрабатывая две формы приложения единой ценностно-познавательной установки: к исследованию природы, с одной стороны, и к изучению человека, мира его сознания, его ценностей, его свободы, с другой. От смены этой установки зависит изменение взаимоотношения научных и вне-научных форм

мышления, их места в системе культуры, способов их взаимодействия. На некоторых попытках изменения указанной установки я останавлиюсь во второй части доклада.

2. Но прежде всего я хотел бы эксплицировать некоторые моменты, относящиеся к самой данной установке.

Экспериментальное естествознание Нового Времени стало возможным в результате появления определенной системы идеалов и ценностей,

задающих такое отношение человека к природе, которое является весьма специфичным и которого никогда не существовало ранее в истории. Эта система идеалов связана с возникновением цивилизации особого типа, которую нередко называют технологической. Таким образом, то, что мы называем современным научным мышлением имеет в качестве условия своей возможности целую систему предпосылок. Речь идет прежде всего о понимании природы как простого ресурса человеческой деятельности, как некоторого пластичного материала, в принципе

допускающего возможность
безграничного человеческого
вмешательства, переделки и
преобразования в интересах
человека, который как бы
противостоит природным
процессам, регулируя и контролируя
их. Если в рамках античного
миропонимания техническая
деятельность, продуцирующая мир
искусственных предметов, не может
иметь никакого отношения к
познанию естественно
существующих вещей, ибо
“искусственное” и “естественное”
несовместимы друг с другом, то в
науке Нового Времени снимается это

противопоставление: сама природа выступает как некий гигантский механизм, выявить скрытые пружины которого можно только путем его разборки. В процесс экспериментирования как раз происходит насильственное воздействие на естественные процессы, которое позволяет препарировать явления, обнажить их скрытые механизмы и произвести факты, составляющие эмпирический базис науки. Специфическое отличие науки Нового Времени от науки античности состоит, таким образом, в том, что факты не столько описываются, сколько производятся,

конструируются. Современное научное мышление в отличие от научного мышления во времена античности возникает и развивается в рамках проективно-конструктивного отношения к миру.

[i]

Очень важно подчеркнуть и другое обстоятельство. Эксперимент как средство изучения природы предполагает не только отказ от принципиального противопоставления естественных и искусственных процессов, но также и возможность выделения таких замкнутых систем, которые

допускают со стороны субъекта полный контроль за всеми факторами, влияющими на протекание исследуемых процессов. При принятии иных предпосылок эксперимент в точном смысле слова не осуществим. Но из этих предпосылок вытекает тезис о возможности точного предсказания будущего хода событий (речь идет не о фактической возможности, что нередко бывает весьма затруднительно, а о возможности принципиальной). Но там, где мы способны предсказывать течение процессов, мы можем овладевать ими, регулировать и контролировать

их. “Познавать для того, чтобы предвидеть, предвидеть для того, чтобы повелевать “- такая формулировка существа современной науки была дана в позитивизме. Нужно признать, что эта формула неплохо выражает особенности той познавательно-ценностной установки, в рамках которой осуществляется современное научное мышление.

Интересно заметить, что особенности теоретического мышления, как оно понимается и практикуется в науке Нового Времени, непосредственно связаны с

специфическими чертами данного типа научности. Если главная цель теории в античной науке состоит в понимании природных явлений посредством доказательства, исходящего из посылок, истинность которых постигается интуитивно, [\[ii\]](#) то теперь теоретическое научное мышление осуществляется в форме особого рода деятельности теоретика с специфическими объектами - объектами идеальными. Работа теоретика с идеальными объектами напоминает деятельность техника с материальными конструкциями: идеальные объекты соединяются, разъединяются, преобразуются,

ставятся в особые, необычные условия, как бы испытываются на прочность и т.д. С помощью идеальных конструкций проводятся т.н. идеальные эксперименты. При этом выясняется (и это особенно существенно для понимания той проблемы, которую я обсуждаю), что идеальный и реальный эксперименты не просто взаимосвязаны, но что последний попросту невозможен без первого. Ибо только в идеальном эксперименте удастся выделить исследуемое явление “в чистом виде”, раскрыть внутренние, глубоко запрятанные механизмы природных

процессов. В реальном эксперименте исследователь пытается приблизиться, насколько это возможно (а полностью это, разумеется, никогда невозможно) к воссозданию тех условий, которые первоначально изучаются в деятельности с идеальными конструкциями. Отмеченный характер теоретической деятельности в рамках науки Нового Времени, особенно хорошо виден тогда, когда мы имеем дело не с уже ставшей наукой этого типа, а когда мы изучаем генезис, становление этого типа научности (в частности, творчество таких основателей

экспериментального естествознания, как Галилей). Научная теория, как она теперь начинает пониматься и конструироваться, как бы содержит в потенции производство эмпирических феноменов в реальном эксперименте. [\[iii\]](#)

Одним из важных следствий подобной проективно-конструктивной установки является резкая оппозиция научного и вне-научного мышления. Все те мыслительно-духовные образования, которые не могут быть воспроизведены в деятельности

(реальной и идеальной), смысловое содержание которых субъект не может контролировать, в рамках подобной установки должны выводиться за пределы науки. Это относится к религии, мифологии, суждениям обыденного опыта, вообще к значительной части интеллектуально-духовной традиции. При этом речь идет не просто о разделении мышления на научное и вне-научное, а о том, что только первое рассматривается как мышление в строгом смысле слова, только с ним связывается возможность истинного постижения действительности. Основатели

науки Нового Времени лично были религиозными людьми. Однако ,как я пытался показать, тот тип научного мышления, который они сформировали, предполагает такое отношение к миру, которое принципиально отлично от религиозного отношения. Поэтому неудивительно, что развитие современной науки с необходимостью привело к появлению идеологии сциентизма с его резко негативным отношением ко всем без исключения вне-научным формам мышления, а прогресс тесно связанной с наукой техники - к идеологии технократизма с его

культом технического преобразования и контролирования всех природных и социальных феноменов. [\[iv\]](#)

Я хотел бы специально обратить внимание на то, что в рамках данного типа научности особенно резко противопоставляется научное и обыденное знание. Основные представления аристотелевской физики не столь уж далеки от обычного здравого смысла. Развиваемые в ней идеи о том, что движение каждой вещи должно завершаться в соответствующем

“естественном” месте, что тело движется лишь постольку, поскольку на него действует извне приложенная сила и др. по сути дела являются простыми обобщениями повседневного эмпирического опыта. Научное мышление в этом случае выступает как продолжение и развитие мышления вне-научного. Совсем другое дело в науке Нового Времени. Здесь научное и обыденное резко противопоставляется.

Действительное движение Солнца совсем не таково, каким оно представляется. В законах классической механики (а она

выступает в это время как парадигма научности вообще) формулируются такие характеристики движущихся тел, которые противоречат тому, что наблюдается в опыте. Наука основывается на эксперименте, а в последнем создаются искусственные условия, в которых обычный человек никогда не может действовать. Развитие научного мышления в рамках данного его понимания означает резкий разрыв с традицией здравого смысла, недоверие ко всему непосредственно, естественно данному.

В философии Нового Времени - а многие ее основоположники были одновременно основателями современной науки - познавательно-ценностная установка, лежащая в основании данного типа научности, осознается, рефлектируется, из ее логического анализа делаются соответствующие мировоззренческие выводы.

Позиция недоверия ко всему естественно данному и соответственно доверия лишь к тому, что сознательно контролируется, доведенная до своего логического

конца, приводит Декарта к радикальному сомнению в существовании всего, кроме самого сомневающегося и сознающего субъекта. Если мир природы существует не сам по себе, а как бы лишь постольку, поскольку им можно овладеть, поставить под контроль, сделать продолжением и частью самого человека, то естественно поставить человека в центр всех происходящих природных процессов и одновременно вне их. В свою очередь в самом человеке лишь сознание [v] может рассматриваться не как нечто данное, а как постоянно воспроизводимое собственной

деятельностью (и лишь постольку существующее). Так появляются две взаимно связанных идеи: с одной стороны, идея о несомненной данности человеку мира его сознания и не очевидности существования мира внешних предметов (таким образом впервые выделяется сфера субъективного как резко противостоящая всему остальному) и, с другой стороны, идея о возможности и необходимости со стороны сознания контролировать его окружение.

Последняя идея связывается с представлениями о достижении

человеческой свободы. Если свобода - это не просто свобода выбора из уже существующих возможностей, а снятие зависимости от того, что внешне принуждает человека к тем или иным действиям, что диктует ему эти действия или даже порабощает его, то как способ достижения свободы понимается овладение окружением, начиная от природы, включая социальный мир и кончая телом самого человека и его стихийными эмоциональными состояниями (недаром в это время философы пишут много трактатов о борьбе со “страстями души”). Овладение окружением, в свою

очередь, расшифровывается как контроль и господство, а средством его реализации считается разум, научная рациональность и созданные на этой основе разнообразные инструментальные техники. При таком понимании овладение, контроль и господство над внешними силами выступают как их “рационализация” и “гуманизация” на научной основе.

Но идея овладения и контроля простирается еще далее, теперь уже на само сознание. Истинная свобода предполагает контроль со стороны “Я” над всем, что от него отлично. В

свою очередь научное мышление возможно только тогда, когда контролируются не только внешние факторы, влияющие на ход эксперимента, но и сами операции познающего субъекта - как материально-экспериментальные, так и идеально-мыслительные. Если я могу контролировать внешнее окружение с помощью разнообразных техник, то я могу контролировать и мое собственное сознание с помощью разного рода рефлексивных процедур. Представление о возможности достижения полного самоконтроля над мыслительными операциями

ведет к идее Метода, с помощью которого можно беспрепятственно получать новые знания и производить все необходимые нам результаты действия. Вообще идея о тесной связи между полнотой само-рефлексии, с одной стороны, и обладанием подлинным мышлением и настоящей свободой, с другой, является одной из центральных идей европейской философии Нового Времени (достаточно вспомнить знаменитую гегелевскую идею о том, что развитие само-рефлексии Абсолютного Духа совпадает с становлением мышления и вместе с тем с прогрессом свободы).

Выделение субъективности как чего-то неоспоримого и вместе с тем сомнение во всем данном человеку извне - этот исходный пункт современной европейской философии имел ряд других интересных следствий. Если принимать идущий еще от Аристотеля тезис о том, что знание сущности предмета предполагает познание его ближайшей причины, то человек по-настоящему может знать только то, что он сделал, т.е. вещь, ближайшей причиной которой является он сам. Знание, таким образом, отождествляется с созиданием, конструированием. [\[vi\]](#)

Но если несомненной данностью является лишь мир сознания, то по-настоящему можно знать только те продукты деятельности, которые остаются в сфере сознания, не выходят за его пределы. Отсюда кантовская идея о том, что предметы опыта познаваемы именно потому, что они сконструированы субъектом, правда, не индивидуальным, а Трансцендентальным - но ведь последний является не чем иным, как глубинной сущностью первого.

[\[vii\]](#) Гегель, как известно, пытался выйти за рамки индивидуального сознания (и вообще за пределы декартовской дихотомии двух миров:

субъективности и внешних объектов), но и он остается в пределах той традиции европейской философии, в соответствии с которой знать по-настоящему можно лишь то, что создано, сотворено мышлением. Человек может познавать нечто лишь в той степени, в какой он приобщается к деятельности Абсолюта по познанию того, что последний создал. Известны декларации Маркса о выходе за пределы классического немецкого идеализма. Поэтому субъект для Маркса - не воплощение Абсолюта, не Трансцендентальное сознание и не индивидуальное

самосознающее Я, а реальный эмпирический телесный человек. И все же можно показать, что и философия Маркса исходит из ряда предпосылок, относящихся к той традиции, о которой идет речь. В соответствии с этой философской концепцией познать какой-либо предмет адекватно можно лишь в том случае, когда человек обладает способами воспроизведения его в своей деятельности, или, как выражается Маркс, может “распредметить “ его. Отсюда знаменитая марксова идея практики как единства “опредмечивания” и “распредмечивания”, идея

сотворения человеком окружающего его мира и самого себя.

Нужно сказать, что развитое в “философии сознания” понимание человека, его субъективности, его “Я” колоссальным образом повлияло на развитие европейской философии, определив на долгое время сам способ формулирования проблем в онтологии, эпистемологии, философии науки, этике и в ряде наук о человеке, в частности в психологии. Отсюда, например, такие проблемы, над решением которых билась в течение столетий европейская мысль, как

взаимоотношение “Я и внешнего мира” или возможность “выхода” из самозамкнутого индивидуального сознания к другому человеку, к взаимодействию с ним. Любопытно отметить, что в плену этих проблем, сам способ формулирования которых создает тупиковые ситуации в их решении, неизменно оказывались те мыслители, которые пытались выявить философские предпосылки современного научного мышления. С одной стороны, как я отмечал, наука предполагает реалистическую эпистемологическую установку (которая в сущности несовместима с традициями “философии

сознания”). С другой стороны, смысловой анализ проективно-конструктивной позиции, лежащей в основании современного научного мышления, приводит к философии субъективности. Поэтому не случайно все крупнейшие философы науки - а многие из них были и творцами современной науки - совмещали в своих философско-методологических концепциях две, казалось бы, несоединимых позиции: реализма и субъективизма. Это относится и к Э.Маху, и к У.Бриджмену, и к Б.Расселу. Не так давно М.Бунге сетовал на то, что практически вся современная

философия науки исходит из субъективистских предпосылок. Но ведь иначе и быть не могло, ибо эти предпосылки - лишь результат философской экспликации той ценностно-познавательной установки, которая лежит в основании современного научного мышления. Я хочу заметить в этой связи, что не вполне был прав Э.Гуссерль, когда он, усматривая причины кризиса европейских наук в грехе объективизма, связывал пути выхода из кризиса в возврате к точке зрения субъективности. В действительности объективистская позиция, т.е. отношение к миру

познаваемых предметов и процессов как к чему-то внешне противопоставленному субъекту, отъединенному от него, является ничем иным, как оборотной стороной антропоцентризма, точки зрения субъективности. Это просто две проекции одной и той же проективно-конструктивной установки.

В философии XX века делались неоднократные попытки, выхода за пределы декартова противопоставления мира сознания и мира объектов. Между тем, как мне представляется, этот выход

может быть действительно успешным лишь в том случае, если он сопровождается критикой той ценностно-познавательной установки (определяющей отношение человека к природе и человека к человеку), которая лежит в основании современной технологической цивилизации и о которой шла речь выше.

Переосмысление этой установки означает новое понимание человека и природы, укорененности человека в бытии и в меж-человеческих коммуникациях. Влиятельность этого критического переосмысления во многом зависит от того, насколько

оно поддерживается реальными трансформациями в самой цивилизации. Сегодня можно говорить о том, что необходимость отказа от односторонне технологического пути развития (тупиковый характер которого выявился особенно остро в связи с экологическим кризисом) осознается все более остро. Значит, можно ожидать того, что попытки переосмысления, о котором идет речь, будут все более частыми. Но это означает новое понимание научности и тех вне-научных предпосылок, которые лежат в основании науки, а также отношения

научного мышления к разнообразным вне-научным мыслительным образованиям.

3. Я считаю, что переосмысление ценностно-познавательной установки, о которой идет речь, связано с новой онтологией “Я”, новым пониманием отношения “Я” и другого, существенно иным пониманием отношения человека и природы. Конечно, Декарт прав в том, что, если я мыслю, то существую (в его широком понимании мышления как по сути дела сознания). Но сам факт моего сознания предполагает выход за его

собственные пределы, отношение к сознанию “со стороны”: со стороны другого человека, со стороны той реальности, которую я сознаю.

Другими словами, существование индивидуального Я предполагает ситуацию “вне-находимости”, о которой писал выдающийся русский философ М.Бахтин. В соответствии с этим представлением меж-человеческая коммуникация, диалог не являются чем-то внешним для индивида, а относятся к глубинной структуре его индивидуальности, его сознания и его “Я”. Согласно М.Бахтину я существую не просто потому, что мыслю, сознаю, а

потому, что отвечаю на обращенный ко мне призыв другого человека. Диалог - это не внешняя сеть, в которую попадает индивид, а единственная возможность самого существования индивидуальности, т.е. то, что затрагивает ее внутреннюю сущность. Поэтому диалог между мною и другим предполагает целую систему внутренних диалогов, в том числе: между моим образом самого себя и тем образом меня, который, с моей точки зрения, имеется у другого человека (диалектика: “Я для себя”, “я для другого”, “другой для себя”, “другой для меня” и т.д.).

Коммуникация не predetermined и не запрограммирована. Вместе с тем лишь через отношения с другими индивидуальность формируется и свободно само-реализуется.

Подобное переосмысление Я, сознания и отношения Я и другого ведет к новому пониманию свободы. Свобода мыслится уже не как овладение и контроль, а как установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры, с социальными

процессами, даже с
нерефлексируемыми и
“непрозрачными” процессами моей
собственной психики. В этом случае
свобода понимается не как
выражение проективно-
конструктивного отношения к миру,
не как создание такого предметного
мира, который управляется и
контролируется, а как такое
отношение, когда я принимаю
другого, а другой принимает меня.
(Важно подчеркнуть, что принятие
не означает простого
довольствования тем, что есть, а
предполагает взаимодействие и
взаимоизменение). При этом речь

идет не о детерминации, а именно о свободном принятии, основанном на понимании в результате коммуникации. В этом случае мы имеем дело с особого рода деятельностью. Это не деятельность по созданию предмета, в котором человек пытается запечатлеть и выразить самого себя, т.е. такого предмета, который как бы принадлежит субъекту. Это взаимная деятельность, взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партнеров, каждый из которых считается с другим и в результате которой оба они изменяются. Такой подход

предполагает нередуцируемое многообразие, плюрализм разных позиций, точек зрения, ценностных и культурных систем, вступающих друг с другом в отношения диалога и меняющихся в результате этого взаимодействия.

Этой новой онтологии человека соответствует новое понимание отношения человека и природы, в основу которого положен не идеал антропоцентризма, а развиваемая рядом современных мыслителей, в частности, нашим известным ученым Н.Н.Моисеевым идея ко-эволюции, совместной эволюции

природы и человечества, что может быть истолковано как отношение равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге.

Может ли подобная новая онтология каким-либо образом выразиться в новом понимании научности и научного мышления или же она остается чисто философской конструкцией, сосуществующей с традиционной научной практикой? Я думаю, что главный смысл новой онтологии, о которой идет речь, состоит именно в том, чтобы повлиять на ту ценностно-

познавательную установку, которая лежит в основе понимания научности, возникшего в XVII столетии. В связи со сказанным я хочу сделать два существенных замечания. Первое. Попытки по-новому понять науку, научное мышление и его отношение к мышлению вне-научному, которые будут рассмотрены ниже, не являются чем-то общепризнанным и бесспорным. Вокруг их истолкования ведутся большие дискуссии, многие специалисты в тех областях знания, в которых эти попытки предпринимаются, не принимают их. Дело, следовательно,

не в том, в какой степени попытки, о которых идет речь, будут ассимилированы наукой и смогут повлиять на трансформацию научного мышления, а в самом их наличии, демонстрирующем, по крайней мере, возможность противостоять проективно-конструктивной установке не извне, а изнутри науки, возможность альтернативного развития научности и научного мышления. Второе. Даже принятие того альтернативного понимания научности, которое связывается с этими попытками, вовсе не означает полного отказа от той формы научной практики,

которая традиционно характерна для современной науки с ее ценностно-познавательной установкой. Речь идет лишь об ограничении действия этой установки, которая оказывается не универсальной и поэтому теряет свой мировоззренческий статус.

А теперь я кратко останавлиюсь на трех современных попытках по-новому понять научный способ исследования на основе новой онтологии человека и природы. Я имею в виду концепцию известного физико-химика, Нобелевского лауреата И.Пригожина (которую он иногда называет”философией

нестабильности”), “экологическую теорию” зрительного восприятия крупнейшего специалиста в этой области Дж. Гибсона и широко сегодня обсуждаемый в психологии т.н. “коммуникационный подход”.

А. В свете развиваемой Пригожиным теории диссипативных структур и концепции самоорганизации подлежат радикальному пересмотру многие принципиальные установки традиционной науки, в частности, идея универсальных законов, существование которых обеспечивает принципиальную возможность сколь угодно точного предсказания будущих

событий. Традиционная наука уделяла главное внимание устойчивости, порядку, однородности и равновесию. Она изучала главным образом замкнутые системы и линейные соотношения. Согласно Пригожину те области, в которых имеют силу методы исследования, практикуемые этой наукой, составляют лишь малую часть реальности - как природной, так и социальной. Ибо значительная часть действительности характеризуется разупорядоченностью, неустойчивостью, разнообразием, неравновесностью, нелинейными

соотношениями. Подавляющее большинство систем во Вселенной являются не закрытыми, а открытыми. В особые переломные моменты изменения таких систем (называемыми точками бифуркации) принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить их дальнейшее развитие. В этой связи по-новому понимается роль случайных, единичных событий: именно эти события, а не универсальные законы, способны определять будущее в определенных ситуациях (что, разумеется, не исключает действия универсальных законов в ситуациях

устойчивости и равновесия). С этими идеями связывается новое понимание необратимости времени и преодоление того разрыва в представлении о времени, которое характеризует науку и обыденное мышление.

Но это означает новое понимание взаимоотношения научного и вне-научного мышления. Те представления о взаимоотношении устойчивости и неустойчивости, о времени, о роли случайности в жизни и некоторые другие, которые характерны для обыденного мышления, для некоторых западных

и восточных мифов, для некоторых старых философских традиций (вроде гилозоизма) и которые рассматриваются традиционной наукой как антинаучные, совершенно отжившие и не имеющие никакого отношения к познанию реальности, получают в свете этих новых идей своеобразную реабилитацию. Речь не идет о стирании грани между научным и вне-научным мышлением. Грань эта существует в каждый момент времени. Просто она оказывается подвижной, исторически изменчивой. И то, что на одном историческом этапе выступает как нечто

противоположное науке, на другом оказывается весьма близким ей: наука своими специальными средствами разрабатывает комплекс идей, коррелирующих с теми, которые характерны для вне-научных познавательных традиций, и вместе с тем понимает собственные границы и необходимость дополнения другими, вне-научными способами осмысления реальности.

“Мы считаем, что находимся на пути к новому синтезу, новой концепции природы, - пишут И.Пригожин и И.Стенгерс. - Возможно, когда-нибудь нам удастся слить воедино

западную традицию, придающую первостепенное значение экспериментированию и количественным формулировкам, и такую традицию, как китайская, с ее представлениями о спонтанно изменяющемся самоорганизующемся мире”. [\[viii\]](#) А вот что говорят исследователи концепции самоорганизации В.И.Аршинов и В.Г.Буданов: “Концепция динамического хаоса предполагает новую, открытую форму рациональности. Эта форма рациональности включает в себя три основные типа. Первый тип - верований, примет, народной

мудрости. Это, по сути, целостный вероятностный взгляд на стохастическую структуру реальности. Второй, противоположный ему детерминистический взгляд классической науки, справедливый на малых временах горизонта предсказуемости. И третий, “примиряющий” тип исторически локальной рациональности, по-видимому, свойственный в разной степени средневековой культуре и обыденному мировосприятию. Обнаруживаемое в динамическом хаосе внутреннее единство всех трех типов рациональности,

обосновывает возможность становления в современной культуре обобщенной рациональности, в контексте которой наука и практическая мудрость действительно нуждаются друг в друге”. [\[ix\]](#)

Б. Выдающийся американский психолог Дж. Гибсон в течение нескольких десятилетий на основании своих эмпирических исследований развивал теорию восприятия (на примере зрительного восприятия), которую он связал с “экологическим подходом” [\[x\]](#).

Хорошо известно, что традиционная теория восприятия обнаруживает целый ряд принципиальных трудностей: как психологического, так и философского характера. Это и объяснение инвариантности перцептивного образа, и проблема “проекции” сетчаточного и нейронно-мозгового образа на мир реальных объектов и др. Известны различные поправки в традиционную теорию, особенно в психологии XX века (в работах гештальт-психологов, Ж.Пиаже и др.). С точки зрения Гибсона все эти поправки недостаточно радикальны, ибо не касаются самых существенных

предпосылок традиционного исследования восприятия: во-первых, тезиса о том, что восприятие - это процесс, происходящий “внутри” человека (“внутри” его сознания или его мозга), что это процесс переработки результатов внешнего воздействия на органы чувств, во-вторых, мнения о том, что для понимания процессов, происходящих между воспринимаемым предметом и воспринимающим субъектом необходимо использовать данные современной науки, которая раскрывает природу объективного мира (в частности, физики,

геометрической оптики в случае зрительного восприятия и т.д.). Гибсон развивает концепцию (и подтверждает ее результатами своих широко известных эмпирических исследований), согласно которой восприятие - это не процесс “внутри” субъекта, а способ действия субъекта в мире. Имеет место не наложение на мир объектов результатов конструкторской деятельности сознания, как это предполагала психологическая традиция, солидарная с той традицией “философии субъективности”, о которой ранее шла речь в этом тексте, а в некотором

смысле “прямое” извлечение информации из реального окружения, в котором живет и действует воспринимающий субъект. Я не имею возможности сколько-нибудь подробно излагать идеи Гибсона, которые во многих отношениях необычны и радикальны. Хочу подчеркнуть лишь один пункт, существенный для темы моего доклада. Гибсон обращает внимание на то, что новый подход к изучению восприятия возможен только в том случае, если мы откажемся от отождествления структуры реальности с той ее картиной, которую дает современное

естествознание, в частности, физика. Речь не идет о том, что эта картина ложна. Но она характеризует лишь определенный уровень реальности, как раз тот, с которым воспринимающее существо (как животное, так и человек) непосредственно дела не имеет. Воспринимаемый мир - это не физический, а окружающий мир, онтология которого весьма отличается от физической. Гибсон строит в этой связи весьма специфическую онтологию, не похожую не только на ту, с которой имеет дело современная наука, но и на те онтологические конструкции,

которые предлагались европейской философией за последние столетия. Согласно Гибсону окружающая среда включает такие, например, элементы, как, вещества, среды, поверхности, прикрепленные и неприкрепленные объекты, места, выпуклости и вогнутости, пути, события и т.д. (и не включает, например, пространства и времени). Гибсон отказывается также от геометрической оптики для объяснения способов распространения света - а без понимания движения света невозможно понять , как осуществляется зрительное

восприятие - и создает для нужд своей концепции специфическую теорию объемлющего оптического строя. В онтологии окружающего мира по Гибсону существуют абсолютный верх и абсолютный низ. Да и вообще эта онтология, претендующая на то, чтобы раскрыть некоторые глубинные основания обыденного сознания и в некоторых отношениях напоминающая аристотелевскую физику, на первый взгляд кажется не только вне-научной, но даже и антинаучной. Я хочу однако подчеркнуть, что речь идет именно о науке (имеющей разработанную специальную теорию

и множество экспериментально полученных фактов), но о такой, которая предлагает некоторый альтернативный способ исследования и ассимилирует ряд вне-научных представлений.

В. Со времени возникновения экспериментальной психологии (конец XIX века) в ней всегда были сильно выражены попытки создания системы знания, подобного классическому экспериментальному естествознанию. На это ориентировался и основатель экспериментальной психологии В.Вундт, и основатель психоанализа

Фрейд, и основатель бихевиоризма Уотсон. Подобную же попытку построения психологии по образцу классического научного знания предпринимали крупнейшие советские психологи: Л. Выготский и А.Леонтьев. Другое дело, что на практике этот идеал выдерживался лишь в редких случаях, что эксперимент, подобный естественнонаучному, в психологии оказывался возможным лишь иногда (Выготский ввел понятие "развивающего эксперимента", который в строгом смысле экспериментом не является).

В 50-ые, 60-ые гг. в США выступила группа психологов (У.Олпорт, А.Маслоу, К.Роджерс, Р.Мэй), основавших т.н. движение гуманистической психологии и выдвинувших тезис о том, что психология в принципе не является наукой того типа, который до сих пор рассматривался как единственно выражающий научность и что наши общие представления об идеалах знания и целях науки должны быть пересмотрены. Так, например, с точки зрения А.Маслоу знание, касающееся человека, не может быть знанием экспериментальным, а только лишь знанием

экспериентальным, т.е.
базирующемся на непосредственных
данных человеческих переживаний.
В психологическом исследовании
должно происходить слияние
исследователя с объектом изучения.
[\[xi\]](#) Согласно К. Роджерсу в
процессе психотерапии возникает
экспириентальное единство,
ситуация, в которой терапевт и
пациент вместе попадают в поток
субъективного аутентичного
становления, взаимоотношения по
типу "Я-Ты". Это тот вид учения или
процесс самопознания, которому
нельзя научить, его можно только
пережить [\[xii\]](#) В более позднее

время подобные идеи развивал

А.Джиорджи. [\[xiii\]](#)

Особое внимание привлекает разгоревшаяся недавно дискуссия среди российских психологов о статусе психологического знания. Группа психологов и философов выступили с резкой критикой естественнонаучного идеала в психологии (и в этой связи с критикой влиятельной в советской психологии и хорошо известной за рубежом психологической теории деятельности А. Леонтьева). Этому идеалу был противопоставлен идеал

психологии как принципиально гуманитарной дисциплины. Так, например, один из участников этой дискуссии В.Розин подчеркивает, что в отношении человека не проходит инженерная установка - овладеть, подчинить, управлять, а также естественнонаучная установка - описать процессы и условия, их определяющие. [\[xiv\]](#) [\[xv\]](#) Другой участник дискуссии А.Пузырей считает, что в психологии эксперимент невозможен, в частности, потому, что принципиально невозможно изъять из эксперимента самого

исследователя, отделив его от объекта изучения.

Для сторонников т.н.

“коммуникационного” подхода в психологии, пытающихся опереться на некоторые идеи М.Бахтина, важно подчеркнуть, что в процессе психологического исследования исследователь вступает в особые коммуникативные отношения с исследуемым, в которых последний не просто изучается как внешний объект, а в некотором смысле самообнаруживается, как бы раскрывается навстречу другому. Ясно, что в этом случае научное

мышление выступает весьма специфическим образом и в некоторых важных отношениях весьма сближается с познавательными действиями участника диалога в обычной жизни.

4. Позволю себе сформулировать некоторые выводы. Научное мышление - один из способов познания реальности, существующий наряду с другими и в принципе не могущий вытеснить эти другие. Но разные способы мышления не просто сосуществуют, а взаимодействуют друг с другом, ведут постоянный диалог (включающий и взаимную

критику) и меняются в результате этого диалога. Поэтому сама граница между научными и вне-научными формами мышления является гибкой, скользящей, исторически изменчивой. Наше представление о науке и научности исторически условно, оно меняется и будет меняться (хотя в каждый данный момент и в определенной дисциплине оно более или менее определено). В современной ситуации, в условиях трансформации технологической цивилизации весьма плодотворным является взаимодействие науки с другими познавательными традициями.

Особенно значимым такое взаимодействие представляется для наук о человеке.

[i] Я хотел бы специально подчеркнуть, что наука отнюдь не возникает впервые в Новое Время. Есть все основания говорить об античной и средневековой науке, которые в целом ряде существенных отношений (в том числе и в отношении к вне-научному мышлению) отличаются от

современной науки, ибо развиваются в рамках иных мировоззренческих (познавательных и ценностных) установок.

Современная наука возможна в определенной культурно-исторической ситуации и в рамках специфической установки в отношении мира природных и социальных объектов.

[ii] Поэтому теория в рамках античной науки выступает как в сущности развертывание некоторого изначально данного содержания, которое созерцается,

интуитивно схватывается. Отсюда и буквальный смысл слова “теория”: созерцание.

[iii] Из сказанного никоим образом не вытекает понимание теории как особого рода записи процедур реальной экспериментальной деятельности (подобное понимание предлагал операционализм, с точки зрения которого содержание всех осмысленных научных понятий сводится к совокупности экспериментальных операций измерения). В действительности зависимость здесь прямо

противоположная: реальный эксперимент предполагает эксперимент идеальный, вовсе не сводимый к первому. Между идеальным и реальным экспериментом не может быть совпадения. Научное теоретическое мышление выступает не как идеальное копирование процедур реального эксперимента, а как создание условий для последнего. Теория выражает не текущую экспериментальную практику, а глубинные возможности проективно-конструктивного отношения к миру. Тем более

нельзя принять точку зрения
логического позитивизма,
согласно которой научная теория -
это не что иное, как особого рода
запись эмпирических данных.

Последняя точка зрения не
схватывает специфических
особенностей современной науки,
которая не столько описывает
эмпирические данные, сколько их
конструирует, производит в
процессе эксперимента, который в
свою очередь предполагает
соответствующие теоретические
предпосылки.

[iv] Крайний случай сциентизма и технократизма, его своеобразное доведение до логического конца - это идея о возможности преобразования на научной основе физической и психической природы самого человека.

Именно эта идея была важной составной частью той идеологии, которая в течение многих десятилетий господствовала в Советском Союзе.

Рационализация всех природных и социальных феноменов, позволяющая контролировать стихийные процессы и управлять ими рассматривалась в этой

идеологии как высшее выражение гуманизации действительности, как проявление творческой мощи человека. В этой связи следует заметить, что ряд особенностей того тоталитарного аппарата, который возник в нашей стране, обязан своим происхождением именно идее о возможности и необходимости разумного управления социальными процессами, основанного на их рациональной калькуляции (как раз такой подход отождествлялся в свое время с созданием “прозрачных” социальных отношений, т.е. их гуманизацией и

рационализацией).

[v] В декартовой терминологии это понимается как мышление (отсюда его знаменитое положение: "Мыслю, следовательно существую"). Иными словами мышление истолковывается в самом широком смысле, когда к нему относятся по сути дела все акты сознания.

[vi] Ср. следующие рассуждения Спинозы о сущности круга. Круг можно определить как "фигуру, у которой линии, проведенные от

центра к окружности, равны...”
(Б.Спиноза. Избранные произведения. М.,1957, т.1, с.352).
Однако такая дефиниция, считает Спиноза, “совсем не выражает сущности круга, а только некоторое его свойство” (там же), к тому же свойство производное, вторичное. Это всего лишь номинальная дефиниция.
Реальная дефиниция должна выражать ближайшую причину вещи, а это, по мнению Спинозы, равносильно заданию способа построения вещи. В этом случае круг должен быть определен как “фигура, описываемая какой-либо

линией, один конец которой закреплен, а другой подвижен” (там же).

[\[vii\]](#) Поэтому -то вещь в себе, которая не является продуктом деятельности субъекта, не может быть познана.

[\[viii\]](#) И.Пригожин, И.Стенгерс.
Порядок из хаоса. М.,1986, с.65-66

[\[ix\]](#) В.И.Аршинов, В.Г.Буданов.
Синергетика - эволюционный аспект. “Самоорганизация и

наука: опыт философского осмысления”. М.,1994, с.241-242

[x] Дж.Гибсон. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988

[xi] A.Maslow. Toward a psychology of being. N.Y.1962

[xii] C.Rogers. On becoming a person. Boston. 1961

[\[xiii\]](#) A.Giorgi. Psychology as a human science. N.Y. 1970

[\[xiv\]](#) В.М.Розин. Психология и культурное развитие человека. М.,1994, сс.22-54